
Сабурова Т. А. Время, «современность» и глобальная история : опыт глобальной истории: дискуссия о книге Ю. Остерхаммеля «The Transformation of the World» // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — Т. 1, № 2. — С. 97–109.

ТАТЬЯНА САБУРОВА*

ВРЕМЯ, «СОВРЕМЕННОСТЬ» И ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ**

ОПЫТ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ДИСКУССИЯ О КНИГЕ
Ю. ОСТЕРХАММЕЛЯ «THE TRANSFORMATION OF THE WORLD»

OSTERHAMMEL J. THE TRANSFORMATION OF THE WORLD: A GLOBAL HISTORY OF THE
NINETEENTH CENTURY / TRANS. FROM THE GERMAN BY P. CAMILLER. — PRINCETON :
PRINCETON UNIVERSITY PRESS, 2014

Фундаментальный труд Юргена Остерхаммеля «Трансформация мира»¹ как очередная попытка создания глобальной истории, отражающая мощную историографическую тенденцию последних десятилетий, не мог не привлечь внимания исследователей масштабностью замысла, широким спектром обсуждаемых вопросов, оригинальной структурой работы и, конечно, самим предложенным подходом к написанию истории XIX столетия с точки зрения глобальной истории. Проблема создания глобальной или транснациональной истории как способ выхода за рамки национальных исторических нарративов не только активно обсуждается, но и находит подтверждение в конкретных исторических исследованиях, которые все чаще носят «транснациональный» характер, а историографы говорят о «глобальном повороте», включая его в список историографических «поворотов» — наряду с «антропологическим» или «визуальным».

Дэвид А. Белл в рецензии «Глобальный поворот. Что случается, когда историки злоупотребляют идеей сети» на книгу «A World Connecting» (Harvard University Press, 2012) писал, что рождение этого направления в историографии было во многом вызвано процессом глобализации и что

*Сабурова Татьяна Анатольевна, главный научный сотрудник ИГИТИ им. А. В. Полежаева, НИУ ВШЭ (Москва); приглашенный профессор Индианского университета (США), sabourova@mail.ru.

**© Сабурова Т. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Впервые книга была опубликована в Германии на немецком языке (Osterhammel, 2009) и затем вышла на английском (Osterhammel, Camiller, 2014). Фрагменты из книги на русском языке опубликовал журнал *Ab Imperio* (Остерхаммель, Каплуновский, 2011).

первоначальный импульс для исследований был скорее политическим, но со временем академическая составляющая вытеснила политическую, а само направление укрепилось и получило распространение. По его мнению, в первые десятилетия XXI в. «глобальная» история стала тем, чем социальная история была для 1960–70-х гг., а «культурная» история — для 1980–90-х гг. Сорок лет назад молодой историк, интересующийся эпохой войны за независимость в США, мог бы написать диссертацию о том, как независимость повлияла на повседневную жизнь маленького городка в Новой Англии. Двадцать лет назад он мог бы писать о дискурсе маскулинности в периодической печати периода ранней республики. Сегодня типичная тема скорее всего была бы связана с изучением или влияния «глобальных» товаров, таких как чай или вино, на американские города, или роли иностранных моряков на американских торговых судах, или установления «сетей сообщения» между рабовладельцами американского Юга и Карибского бассейна. Как и в случае предыдущих «поворотов», сторонники глобальной истории настаивают на необходимости применения их исследовательского подхода к тем предметам, которые всем уже давно знакомы, и, как отмечает Белл, хотя это и открывает новые замечательные перспективы в изучении прошлого, добиться успеха в создании обобщающих трудов оказывается намного сложнее (Bell, 2013)². Сложности, возникающие при попытке создания целостной истории, соединения различных предметов исследования, событий и процессов, стран и континентов в рамках единой логики историописания, конечно, очевидны и требуют от авторов не только обширных энциклопедических знаний, но и, главное, разработки универсальной модели, позволяющей достичь исторического синтеза.

Перечисляя работы, претендующие на создание общих нарративов в рамках глобальной истории, чаще всего вспоминают действительно чрезвычайно значимую и блестящую книгу Кристофера Бейли «Рождение современного мира, 1780–1914: глобальные связи и сравнения» (Bailey, 2004), где автору удалось создать широкую панораму трансформации мира через сеть политических и промышленных революций, формирования наций, империй, рождения современного государства и т. д., рассматривая политические, экономические, культурные и социальные процессы, которые привели к «великому ускорению» 1890-х – 1914 гг., как связующие нити одной «большой» истории становления

²Рецензия была также опубликована на сайте «Гэфтер» в разделе «Дебаты»: Белл, 2014.

«современного» мира, проводя параллели и соединяя историю разных стран и континентов. Книга Бейли, безусловно, заслуживала бы отдельного обсуждения, также как и упомянутая выше книга под редакцией Эмили Розенберг, само название которой подчеркивает стремление ее авторов «соединить» историю разных стран, выделяя такие ее глобальные составляющие, как сотрудничество, обмен, движение, насилие и сопротивление. Заметим, что «A World Connecting» — это только первый том новой шеститомной всемирной истории, одним из редакторов которой является Юрген Остерхаммель, чья собственная книга «Трансформация мира» внесла огромный вклад в развитие глобальной истории.

Книгу Остерхаммеля часто сравнивают с работой Бейли. Это не случайно не только потому, что обе книги являются яркими примерами применения «глобального» подхода, но и потому, что сам Остерхаммель в предисловии к «Трансформации мира» пишет о книге сэра Кристофера Бейли, соглашаясь с тем, что это — один из немногих случаев успешного обобщения, синтеза всемирной истории в эпоху, называемую в английском издании *late modern*. Сразу отмечу, что при переводе на русский язык таких понятий как *modernity*, *modern* и выделении периодов *early modern*, *late modern* сталкиваешься с серьезной проблемой, так как понятия «современность», «современный», «современная эпоха» не отражают в полной мере семантику используемых английских слов, сочетание «позднее Новое время» звучит странно (хотя «раннее Новое время» используется), а понятие «модерн» в русском языке связано в большей степени с историей искусства. Эта же проблема возникает и при переводе данных понятий с немецкого — не случайно, например, в «Словаре основных исторических понятий» отмечается, что единого и общепринятого русского эквивалента для немецкого *Moderne* на сегодняшний день не существует, поэтому используются различные слова, приблизительно передающие его значение, а неологизм «модерный» не используется ввиду проблематичности с точки зрения грамматики (Словарь..., Левинсон, 2016: 241). К понятиям *modernity* и *modern* я еще вернусь, так как они имеют принципиальное значение как для Бейли, так и для Остерхаммеля, а также для глобальной истории в целом, и их применение требует особой аккуратности и исследовательской рефлексии.

Рассматривая отношение Остерхаммеля к труду Бейли, важно подчеркнуть, что Остерхаммель не противопоставляет ему свою книгу и

говорит, что она не имеет направленности «анти-Бейли», но представляет собой, можно сказать, альтернативный вариант, общий по духу. По его словам, обе книги избегают регионального разделения на нации, цивилизации или континенты. Обе книги считают колониализм и империализм настолько важными, что вместо того, чтобы стать предметом обсуждения в отдельной главе, они прослеживаются на протяжении всей работы и в той, и в другой книге. В обеих книгах предполагается, что нет резкого различия между тем, что Бейли в подзаголовке своей книги называет «глобальными связями» и «глобальными сравнениями»; они могут и должны быть соединены, а кроме того, далеко не все сравнения нуждаются в строгом методологическом обосновании. Иногда свободное — но в меру — использование ассоциаций и аналогий, хотя безусловно не всегда, дает больше, чем педантичные, перегруженные обоснованиями сравнения.

В то же время Остерхаммель отмечает не только общее для двух книг, но и различия между ними: если Бейли уделяет больше внимания национализму и религии, то в книге Остерхаммеля более основательно рассматриваются экономика, переселение, окружающая среда, международные отношения и наука. Кроме того, Остерхаммель признает, что, возможно, он все-таки немного более склонен к «европоцентризму», чем Бейли, более ясно видя в XIX веке «европейский» век.

Но самые главные различия, которые стремится подчеркнуть сам Остерхаммель, — это, во-первых, более пластичные, «открытые» хронологические границы изучаемого периода в его книге, — последняя представляет собой не историю определенного количества лет, отделенных жестко от того, что было «до и после» (поэтому и в названии книги отсутствуют точные хронологические рамки), в связи с чем проблема периодизации и темпоральной структуры рассматривается Остерхаммелем в отдельной главе, — и, во-вторых, другая стратегия историописания. Нарративную стратегию Бейли Остерхаммель называет *space-divergent*, подчеркивая отсутствие центральной линии, внимание к отдельным явлениям, которые он рассматривает и сравнивает в глобальной, общей перспективе, создавая картину пересечений, совпадений, проводя параллели, выявляя скрытые взаимосвязи. Остерхаммель же использует тот тип, который можно определить как *time-convergent*, выделяя главный, характерный признак эпохи, создающий основу для целостного, связанного повествования, но без заранее заданной схемы (Osterhammel, Camiller, 2014: VII–VIII). Подобную стратегию, несмотря на разные теоретические подходы, он видит в знаменитом трехтомном

сочинении Эрика Хобсбаума (Hobsbawm, 1962; 1975; 1994), сравнение с которым также было бы интересным и полезным для понимания развития глобальной истории.

Таким образом, категория времени и темпоральные структуры имеют принципиальное значение для Остерхаммеля. Если снова проводить сравнение с Бейли, то последний использует категорию времени как исключительно внешнюю, объективную, применяя готовые темпоральные характеристики к историческим процессам, располагая события на одной линии, описывая динамику и скорость перемен, выделяя соответствующие периоды в истории и показательно завершая свою книгу главой о «великом ускорении» между 1890-ми и 1914 г. Бейли «работает», прежде всего, с пространством истории, соединяя на своей объемной и масштабной исторической карте разные страны и города, проводя соединительные линии, устанавливая общность процессов и явлений, взаимосвязи и пересечения. Но для Остерхаммеля вопрос о времени — это вопрос о границах XIX столетия, и Остерхаммель не имеет на него готового ответа, не удовлетворяясь календарным определением; в результате он рассматривает категорию времени и как инструмент, и как объект исследования. Век у Остерхаммеля — не календарный промежуток времени, а культурный пласт, сконструированный, созданный воспоминаниями о нем, наполненный смыслами. «Век — это отрезанный ломоть времени. Он приобретает значение только благодаря следующим поколениям. Память структурирует время, выстраивает его рядами сверху вниз, иногда приближает его к настоящему, растягивает или сжимает, а когда-то и уничтожает. [...] Линейная хронология — это абстракция, которая редко соответствует восприятию времени» (Osterhammel, Camiller, 2014: 46). Более того, календари, хронологии и представления об истории различались в разных странах, и применять понятие «европейского» XIX века, переносить способы маркировки времени из западной цивилизации противоречило бы подходам «глобальной истории».

Соответственно, Остерхаммель заново ставит вопрос о границах XIX века. Ему недостаточно «формальной синхронности» при написании глобальной истории, и даже достаточно гибкие и «компромиссные» определения «долгого» и «короткого» XIX века не отвечают его подходу, поэтому вторая глава первой части его книги так и называется — «Время: когда был XIX век?». И дело не только в необходимости определить хронологически границы исследования; главное — определить XIX век как эпоху, с ее сущностными характеристиками, исходя из исследуемых

процессов. Остерхаммель пишет: «Мой девятнадцатый век понимается не как временной отрезок, проложенный из пункта А в пункт Б. Меня интересует не линейное повествование в стиле „и затем случилось это, потом произошло то...“, растянутое на сто с лишним лет; мне интересны истории переходов и трансформаций, каждый из которых имеет особенную временную структуру, свою динамику, отличительные переломные моменты и пространственную специфику, — то, что может быть названо „региональными темпоральностями“. И важная задача этой книги — раскрыть эти временные структуры» (Osterhammel, Camiller, 2014: 47).

Одним из понятий, используемым Остерхаммелем для характеристики временных структур, является понятие исторической эпохи, которое служит для упорядочения и организации исторического времени. Он полагает, что «по крайней мере для современного европейского сознания прошлое представляется в виде череды временных блоков, но характеристики, используемые для описания исторических эпох, редко являются результатом „необработанных“ воспоминаний; они — результат исторической рефлексии и конструирования» (Osterhammel, Camiller, 2014: 48). И далее Остерхаммель приводит примеры «изобретения» эпох — таких как Античность, Средневековье, Ренессанс и относительно недавно институционализированное ранее Новое время. И тут выясняется, что в процессе «изобретения», конструирования различных исторических эпох XIX век остался обойденным историками, стоящим особняком и избежавшим какого-либо наименования. И, как заключает Остерхаммель, в случае XIX века «мы остались с безмянным и фрагментарным веком, долгим переходным периодом между двумя стадиями, которые кажутся более легко поддающимися идентификации» (Osterhammel, Camiller, 2014: 49). Ставя задачу определения рамок XIX века в глобальной перспективе, исходя из исторических процессов и перемен, Остерхаммель признает сложность применения критерия политической трансформации, так как в разных странах изменения политического порядка — уничтожение старых политических институтов и практик, создание объединенных государств или получение независимости — происходили как в конце XVIII – начале XIX столетия (календарного), так и в середине XIX века, а сведение начала XIX века в политическом отношении только к Великой французской революции означает его неизбежное территориальное ограничение. Столкнувшись с трудностью определения начала XIX века с точки зрения содержания исторического процесса как начала особой эпохи, Остерхаммель приходит к использованию термина выдающегося немецкого историка и теоретика Р. Козеллека *Sattelzeit*

(*saddle period*), означающего переход к «современности» («когда наше прошлое становится нашим настоящим»), — и тут мы опять сталкиваемся с трудностью перевода термина на русский язык, хотя образ горной цепи и пространства между двумя вершинами («седловина» как форма рельефа в геологии), наверное, может помочь.

Таким образом, Остерхаммель отказывается не только от принятой хронологии, но и от «переломных» событий, традиционно рассматриваемых как начальные точки, и приходит к определению начала XIX века как особого периода, доказывая возможность применения термина Козеллека в рамках глобальной истории. Он показывает, основываясь на трудах других историков, что в период приблизительно с 1750-х (1770-х) до 1850-х (1830-х) гг. соотношение сил в мире претерпело радикальное изменение в результате не только появления «европейских близнецов» (имеется в виду индустриальная революция в Англии и политическая — во Франции) и даже не только «атлантической» революции, охватившей территорию от Женевы до Лимы, — Остерхаммель рассматривает «эпоху революций» как часть всеобщего кризиса, затронувшего и американские колонии переселенцев, и исламский мир от Балкан до Индии. Не останавливаясь на других аргументах Остерхаммеля относительно *Sattelzeit* в глобальной перспективе как «начала» XIX столетия, отмечу, что собственно XIX век, названный условно «викторианским», представляет собой, в понимании Остерхаммеля, насыщенную, «стволовую» эпоху, а не просто короткий период перехода от 1830-х к 1890-м гг., как, например, часто считается относительно истории Германии (Osterhammel, Camiller, 2014: 62–63). И особое значение в периодизации XIX столетия, предложенной Остерхаммелем, приобретают 1880-е гг. как время радикальных перемен, «период-шарнир», соединивший «викторианство» и *fin de siècle*, который, в свою очередь, характеризуется новым кластером кризисов. Таким образом, используя существующие определения исторических эпох, Остерхаммель наполняет их новым смыслом, создавая другую темпоральную структуру XIX века, «изобретая» свой XIX век.

Как «изобретение» XIX века относится к российской истории? Вопрос, как кажется, противоречащий изначально обсуждаемому глобальному подходу, стремлению выйти за рамки национальных исторических нарративов, — но авторы книги, подготовленной в рамках совместного проекта Германского исторического института в Москве и издательства «Новое литературное обозрение», ставят вопросы, близкие тем, которые задает Остерхаммель, однако рассматривают их в другой перспективе:

«...насколько XIX век целостен и для кого он действительно „наш“ и „золотой“? Как произошло это присвоение или признание? О чем мы вспоминаем, говоря о XIX веке сейчас? Как он „собирался“ из разрозненных событий и явлений прошлого? Как соотносится русский XIX век с западным *Moderne/modernity* и как соотносится современность/модерность XIX века с веком XX и с новым тысячелетием?» (Изобретение века, 2013: 6)

В сборнике статей ставится задача реконструкции темпоральных моделей XIX века как моделей самоописания и идентификации, и при определении исследовательской рамки, во введении, Е. Вишленкова и Д. Сдвижков вступают в своеобразный диалог с Остерхаммелем: «Глобальная перспектива, которой оперирует в своей истории XIX века Юрген Остерхаммель, еще может констатировать универсальность раннего Нового времени, но дальше она скорее высвечивает одновременность неодновременного (*Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen*) и, наоборот разновременность подобного между Европой и не-Европой» (Изобретение века, 2013: 7-8). Разбивая на элементы, анализируя в категориях времени и пространства, империи и нации, поколений и революций, прогресса и разочарования, и вновь собирая XIX век в единое целое, авторы статей создают свою панораму XIX столетия, вглядываясь в него изнутри и соединяя с другими историческими эпохами, работая с «памятью» и «представлениями», выходя за рамки календарных хронологий.

Возвращаясь к Остерхаммелю, можно сказать, что авторы статей отвечают в какой-то степени на его размышления об «объективном времени хронометра, субъективном времени человеческого опыта и находящемся между ними социальном времени „типичных“ жизненных циклов в семье и трудовой деятельности, которое демонстрирует различные комбинации культурных норм, экономических задач и эмоциональных потребностей. И вопрос, заслуживающий особого внимания, — может ли и при каких условиях социальное время быть коллективным опытом, например, поколения» (Osterhammel, Camiller, 2014: 74). Замечу, что в целом исследования темпоральности как части картины мира и исторических нарративов — изучение создания образов прошлого в рамках культурно-интеллектуальной истории — занимают сегодня значительное место в российской историографии последних двух десятилетий³.

³Например, см.: Образы времени..., 2010; Савельева, Полетаев, 1997.

Обсуждение вопроса о темпоральных структурах, периодизациях и глобальной истории неизбежно приводит и к обсуждению понятия «современность» — того трудно переводимого *modernity*, о котором шла речь в самом начале. Однако дело не только в переводе: само понятие, как и его различные варианты, полисеманлично, а потому и остается расплывчатым — несмотря на продолжающиеся дебаты о сущности, исследовательском потенциале, ограничениях, вариантах существования и «ловушках»⁴. Остерхаммель считает до сих пор не вполне проясненным использование этого понятия, так как последнее бессистемно применяется фактически к каждому столетию в Европе начиная с XVI в. — и даже к «средневековому» Китаю XI в.; социальная история использует его для периода после 1830-х гг., культурная эстетика видит возможность его использования только с появлением Бодлера, Дебюсси и Сезанна. Широко распространенные разговоры о *modernity*, *postmodernity*, «*multiple modernities*» почти всегда происходят без какой-либо даже приблизительной хронологической дефиниции (Osterhammel, Camiller, 2014: 48). Но помимо неопределенности и чрезмерной пластичности, для Остерхаммеля понятие *modernity* связано, прежде всего, с Западной Европой и США; по его мнению, хотя с 2000-х гг., благодаря С. Айзенштадту, и стали говорить о «множественных модерностях (современностях)», что существенно продвинуло осмысление этого понятия и возможностей его применения, тем не менее контуры понятия все равно остались определенными существованием некоего целостного Запада — даже для Айзенштадта. Участники круглого стола в *American Historical Review*, анализируя, как мы осмысляем и понимаем исторические перемены, также стремились уйти от традиционных моделей — и иногда даже называли понятие *modernity* дискредитированным и нуждающимся или в дальнейшем уточнении, или замене.

Для Остерхаммеля понятие *modernity*, изначально включающее некий набор политических, экономических, социальных и культурных характеристик, с помощью которых мы описываем «современное общество», не создает представления о взаимосвязи всех этих аспектов «современности», да и сам список вызывает сомнения. Кроме того, Остерхаммель задает и другие вопросы, которые больше интересуют исследователей. Что подразумевает «рождение» современного общества, его появление в определенное время и в определенном месте? Каким образом его принципы распространяются и оказывают влияние? Когда мы можем

⁴См. например, круглый стол *Historians and the Question of "Modernity"*, 2011.

говорить о том, что общество стало полностью «современным», и можем ли определить степень его «современности», учитывая не только самые противоречивые из возможных сочетаний политической и экономической или культурной сферы, но и региональные отличия? И что мы получим, если будем оценивать страны с точки зрения степени их «современности»? (Osterhammel, Camiller, 2014: 904–905) Все эти вопросы отражают как скептическое отношение Остерхаммеля в целом к изначально заданным рамкам для исследования исторического процесса, так и продолжающиеся дебаты о понятиях *modernity*, *modernism*, *modern*. Остерхаммель заявляет, что если историки действительно хотят использовать понятие *modernity*, то они должны обратиться к теориям более высокого уровня, чем предлагает им социология. Но при этом важно помнить, как тот же XIX век понимал и представлял себя, и учитывать этот взгляд «изнутри».

Соответственно, размышляя о «современности» и ее понимании в России во второй половине XIX – начале XX вв., можно обратиться к «эго-документам», которые позволяют выявить — хотя и не претендуя на широкие обобщения — содержание и смысловые значения понятия «современность», контексты его использования и распространения, характер отражения в нем как сознания и поведения человека эпохи «модерна», так и самой темпоральности эпохи. Как показало наше исследование, многозначное и открытое для различных интерпретаций слово «современность» во второй половине XIX – начале XX вв. могло быть аксиологически нейтральным, ограничиваясь указанием на настоящее время, текущий момент, но отражать тем не менее ярко выраженную историческую темпоральность Нового времени с ее отчетливым выделением хронологических структур — разграничением прошлого, настоящего и будущего. Понятие «современность» могло наполняться во второй половине XIX в. негативным смыслом, отражая реакцию на разрушение традиционных ценностей, индивидуализацию и разрыв с традиционными коллективными структурами, радикализацию общественных настроений и нарастание революционного движения в России. Понятия «современный» и «современность» могли быть связаны во второй половине XIX в. с идеей прогресса и служить для трансляции «передовых» идей, быть способом формирования и выражения общественного мнения, обоснованием необходимости перемен в стране, выступать символом либеральных преобразований. Благодаря этому в начале XX в. понятия «современная цивилизация» и «современный мир»

стали уже устойчивым компонентом дискурса русского образованного общества (см.: Родигина, Сабурова, 2016).

Конечно, фундаментальная работа Остерхаммеля подталкивает к размышлениям на самые разные темы, вызывает немало вопросов, ставит перед исследователями новые проблемы, дает возможность в «глобальной перспективе» увидеть исторические события и процессы — и в очередной раз задуматься о ключевых понятиях и их потенциале, о категориях времени и пространства в исторических исследованиях, а также о хронологиях и стратегиях историописания.

ЛИТЕРАТУРА

- Белл Д. А.* Что происходит, когда историки злоупотребляют идеей глобальной сети. — 28.04.2014. — URL: <http://gefter.ru/archive/12156> (дата обр. 22.05.2017).
- Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / под ред. Е. Вишленковой, Д. Сдвижкова. — М. : Новое литературное обозрение, 2013.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. — М. : Кругъ, 2010.
- Остерхаммель Ю.* Трансформация мира: история XIX века : главы из книги / пер. с нем. А. Каплуновского // *Ab Imperio*. — 2011. — № 3. — С. 21–140.
- Родигина Н. Н., Сабурова Т. А.* «Мы вдоволь наговорились о разных современностях...»: дискурс о «современности» в русских эго-документах второй половины XIX – начала XX века // *Диалог со временем*. — 2016. — № 56. — С. 172–193.
- Савельева И. М., Полтаев А. В.* История и время. В поисках утраченного. — М. : Языки русской культуры, 1997.
- Словарь основных исторических понятий : избранные статьи. В 2 т. Т. 1 / сост. Ю. Зарецкого, К. Левинсон, И. Ширле ; пер. с нем. К. Левинсон. — М. : НЛО, 2016.
- Bayly C. A.* The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. — Blackwell Publishing, 2004.
- Bell D. A.* The Global Turn : Review of Emily Rosenberg et al., A World Connecting. — 10/07/2013. — URL: <https://newrepublic.com/article/114709/world-connecting-reviewed-historians-overuse-network-metaphor> (visited on 05/22/2017).
- Historians and the Question of “Modernity” // *The American Historical Review*. — 2011. — Vol. 116, no. 3. — P. 631–714.
- Hobsbawm E.* The Age of Revolution: Europe 1789–1848. — London, New York : Weidenfeld & Nicolson, Vintage Books, 1962.
- Hobsbawm E.* The Age of Capital: 1848–1875. — London, New York : Weidenfeld & Nicolson, Vintage Books, 1975.

- Hobsbawm E.* Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. — London : Michael Joseph, 1994.
- Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. — München : Verlag C. H. Beck, 2009.
- Osterhammel J.* The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century / trans. from the German by P. Camiller. — Princeton : Princeton University Press, 2014.

Saburova, T. A. 2017. “Vremya, ‘sovremennost’ i global’naya istoriya [Time, ‘Modernity’, and Global History]: opyt global’noy istorii: diskussiya o knige Yu. Osterkhammelya ‘The Transformation of the World’ [The Experience of Global History; A Discussion about ‘The Transformation of the World’ by J. Osterhammel]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (2), 97–109.

TAT’YANA SABUROVA

PRINCIPAL RESEARCHER AT THE POLETAYEV INSTITUTE FOR THEORETICAL AND HISTORICAL STUDIES IN THE HUMANITIES, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW;
VISITING SCHOLAR AT THE INDIANA UNIVERSITY, USA

TIME, “MODERNITY”, AND GLOBAL HISTORY

THE EXPERIENCE OF GLOBAL HISTORY; A DISCUSSION ABOUT
“THE TRANSFORMATION OF THE WORLD” BY J. OSTERHAMMEL

OSTERHAMMEL, J. 2014. *THE TRANSFORMATION OF THE WORLD: A GLOBAL HISTORY OF THE NINETEENTH CENTURY [DIE VERWANDLUNG DER WELT: EINE GESCHICHTE DES 19. JAHRHUNDERTS]*. TRANS. FROM THE GERMAN BY P. CAMILLER. PRINCETON: PRINCETON UNIVERSITY PRESS

REFERENCES

- Bayly, C. A. 2004. *The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons*. Blackwell Publishing.
- Bell, D. A. 2013. “The Global Turn: Review of Emily Rosenberg et al., *A World Connecting*.” Oct. 7. Accessed 2017–05–22. <https://newrepublic.com/article/114709/world-connecting-reviewed-historians-overuse-network-metaphor>.
- . 2014. “Chto proiskhodit, kogda istoriki zloupotrebyayut ideyey global’noy seti [The Global Turn. What Happens When the Historians Overuse the Idea of a Global Network]” [in Russian]. Apr. 28. Accessed 2017–05–22. <http://gefeter.ru/archive/12156>.
- “Historians and the Question of ‘Modernity’.” 2011. *The American Historical Review* 116 (3): 631–714.
- Hobsbawm, E. 1962. *The Age of Revolution: Europe 1789–1848*. London and New York: Weidenfeld & Nicolson / Vintage Books.
- . 1975. *The Age of Capital: 1848–1875*. London and New York: Weidenfeld & Nicolson / Vintage Books.
- . 1994. *Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. London: Michael Joseph.
- Osterhammel, J. 2009. *Die Verwandlung der Welt* [in German]. München: Verlag C. H. Beck.

- . 2014. *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century* [*Die Verwandlung der Welt: Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*]. Trans. from the German by P. Camiller. Princeton: Princeton University Press.
- Osterkhammel', Yu. [Osterhammel, J.] 2011. "Transformatsiya mira: istoriya XIX veka [Die Verwandlung der Welt]: glavy iz knigi [The Chapters from the Book]" [in Russian], trans. from the German by A. Kaplunovskiy. *Ab Imperio*, no. 3: 21–140.
- Repina, L. P., ed. 2010. *Obrazy vremeni i istoricheskiye predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad* [*Images of Time and Historical Representations: Russia – the East – the West*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Krug'.
- Rodigina, N. N., and T. A. Saburova. 2016. "“Мы vdovol' nagovorilis' o raznykh sovremennostyakh...”: diskurs o ‘sovremennosti’ v russkikh ego-dokumentakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [‘We Have Spoken Enough of the Present Times’: The Present-Time Discourse in the Russian Ego-Documents of the Late 19th – Early 20th Centuries]" [in Russian]. *Dialog so vremenem* [*Dialog with Time*], no. 56: 172–193.
- Savel'yeva, I. M., and A. V. Poletaev. 1997. *Istoriya i vremya. V poiskakh utrachennogo* [*History and Time: In Search of the Lost*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki russkoy kul'tury.
- Vishlenkova, Ye., and D. Sdvizhkov, eds. 2013. *Izobreteniyе veka. Problemy i modeli vremeni v Rossii i Yevrope XIX stoletiya* [*The Invention of the Century: Temporal Concepts and Problems in Russia and Europe in the 19th Century*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Zaretskiy, Yu., K. Levinson, and I. Shirle, comps. 2016. [in Russian]. Vol. 1 of *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy* [*Geschichtliche Grundbegriffe*]: *izbrannyye stat'i* [*Selected Articles*], trans. from the German by K. Levinson. 2 vols. Moskva [Moscow]: NLO.